

АННА СОРОКОВИКОВА

БОЖЬЯ ОТМЕТИНА

РОМАН

Анна Сороковикова
Божья отметина. Роман

«Издательские решения»

Сороковикова А.

Божья отметина. Роман / А. Сороковикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900648-6

«Божья отметина» — это любовь к Отечеству, вера в духовный рассвет Родины. Глубокое покаяние всегда приведёт тебя в отчий дом, где бы ты ни был.

ISBN 978-5-44-900648-6

© Сороковикова А.
© Издательские решения

Содержание

Божья отметина	6
Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Божья отметина

Роман

Анна Сороковикова

© Анна Сороковикова, 2018

ISBN 978-5-4490-0648-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БОЖЬЯ ОТМЕТИНА

*Тайным и явным молитвенникам России, по
не усыпаемой молитве за Отечество, которых, дает нам Бог
время на покаяние и исправление...*

*Давайте же поспешим, ибо наш «временной
баланс давно уже в минусе»... (автор).*

Часть 1

Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится Имя Твое в России! Да придет Царствие Твое в России! Да будет воля Твоя в России! Ты насади в ней веру истинную и животворную! Ей, Господи, восстани на помощь нашу! В настоящие дни безверия едина есть отрада у истинного христианина и сына Церкви – неизменный, бодрый, всеблагий, премудрый и всеильный Промысл Божий о людях, наипаче о земной Церкви Христовой, о вечном спасении людей и о вечном, непоколебимом, премирном отечестве – Небе. Святое воинство Небесной Церкви, ополчись, ополчись за Церковь Божию, на земле сущую: бедствует она, возлюбленная невеста, нападения лютые терпит от врагов Истины.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

Шел июль 1927 год. Пароход следовал из Одессы в Новороссийск. Семья, профессора Теплова, возвращалась домой. Она была очень приметна: муж, жена и четверо детей – на фоне разрухи, голода, кровавого противостояния, это выглядело сказкой. Два мальчика и две девочки были одеты в матросские костюмы. Старшему сыну было 14 лет, девочкам 12 и 10. Самому младшему было 2 года. Сразу было видно, что он – всеобщий любимец, хотя был страшным непоседой. Они располагались в каютах первого класса, на верхней палубе, там же находилась и их столовая. Малыш заметил на нижней палубе тетку с двумя огромными корзинами, в которых сидели 2 гуся, утка, петух и 2 курицы – по тем временам, это было целое состояние. Сначала малыша все время вылавливали оттуда старшие дети. Когда подошел отец, женщина переговорила с ним и мальчика оставили около птиц, чему он остался несказанно рад. На другой день малыш, никого не дожидаясь, выпил залпом стакан молока, схватил кусок хлеба побольше для пернатых друзей, и занял свое место около корзин. Добрая женщина сделала сиденье из тулупа и мешка и еще навес из платка, чтобы не пекло солнце, уж больно хорош был малец. Настало время завтрака. Малыша не звали – стакан выпитого молока был для него подвигом. Дул летний теплый ветерок, слышались крики чаек.... Когда сели за стол, раздался мощный взрыв, на месте «сказки» осталось кровавое месиво. Началась паника. Появились люди в кожанках и солдаты, стали призывать всех к спокойствию и сознательности, приказали оставаться на своих местах. Солдаты оцепили верхнюю палубу, а трое в кожанках собирали останки в большой брезентовый мешок. У многих создалось впечатление, что «кожаные» ждали взрыва. Тетка прижала мальчишку к себе и еще накрыла своей широкой юбкой. Около корзин остановились двое, стали прикуривать:

– Все, дело сделали. Профессор больше не будет называть революцию позором и катастрофой для России. Ты видел какие они все чистенькие, нежненькие. Да, мнеб такую бабу... Завтра в газетах напишут, что это враги молодой республики уничтожили светило русской науки. Удача, какая, всех под корень, а от маленького даже и следа не осталось, и никого добивать не надо. Вовремя уложились, на горизонте Новороссийск.

– Иваныч, ты так говоришь, будто он твой личный враг?

– Враг товарища «Кобы» и мой враг. Дядька профессора по матери монах, до епископа дослужился (он зло сплюнул), когда-то семинарии инспектировал. Царство ему небесное (ехидно заржал), в 25-м кончили прямо на службе. Это он, когда вождь на богослова учился, сказал ему, что гордость, это личностная гибель, но если это гордость при власти, то тогда национальная катастрофа. А «Коба» обид не прощает. Еще есть брат у профессора, учится по заграницам, а то б и его кокнули. Что-то я заговорился. Да! Участников операции уберешь лично, когда останки доставим в Москву, лишние

свидетели не нужны. Ладно, пошли искать в каюте труд профессора, для Сталина, о каких-то полезных ископаемых.

Он посмотрел под ноги и что-то поднял с палубы, озираясь, положил в карман. Они разбежались как крысы. Тетка слышала весь разговор. Малыш ничего не понял. Женщина сказала, чтоб он залез в мешок, что ему разрешили поиграть в «ку-ку», а на пирсе его заберут мама и папа – это предел мечтаний. Припекало солнышко, время близилось к полудню, мальчик заснул. Было жутко от случившегося, и когда за бортом показались явные очертания города, все очень обрадовались, и каждый стал быстренько собирать свои пожитки. В этой суматохе

никто и не заметил, как тетка спрятала мальчика. Взвалить мешок на плечи ей помогли «оборотни в кожанках», какой-то мужик спустил с трапа одну корзину, вторую несла она сама:

– Слышь, тетка, скажи спасибо, что нам некогда, а то б поросю у тебя конфисковали, вот только странно молчит он, больной? – спросил главный, проверяя документы на живность.

– Не-е, я его хлебушком, смоченным горилкой, накормила, чтоб он до дому спал.

– Ладно, иди, пока не передумали, пьяной свинины я еще не пробовал.– и они дико заржали и улюлюкали ей в след.

Откуда у нее взялись силы? Наверно, Господь помог. Через минуту ее никто не видел. В этот момент Агафья вспомнила все молитвы, они с детства ей давались очень трудно на память- благодарность ее была за поросю, который сдох еще до ее приезда за наследством, а документ остался. Она вмиг очутилась у калитки сестры – это было как наваждение. В городе еще не знали о трагедии на теплоходе. Разгрузившись у крыльца, взяв только мешок, который вдруг стал непомерно тяжел, пошла к соседу священнику. Он настолько был стар, что власти про него забыли, думали, что он давно почил. Она освободила сокровище, которое тут – же сказало:

– Ку-ку, мама! Ку-ку папа!

– Агафья! Откуда это чудо?

Мальчик хотел – было заплакать, но, увидев у печки котят, радостно засмеялся и пошел к ним. Тетка, пользуясь моментом, все рассказала батюшке.

– Да! Вот что делают, антихристы. Сегодня день мученической смерти царя Николая и его семьи. Благодарю Бога, Агаша, что помог тебе мальчика спасти, да проси его теперь, чтоб рот твой молчал, а то ему не жить. Через газеты фамилии не выискивай, чем меньше будешь знать, тем безопасней для него, лукавый то он везде лазейку найдет, да на погибель столкнет. Одежа приметная, сожги, за печкой посмотри, тетки для нищих приносили, подбери что-нибудь.

Потом подошел к мальчику и спросил:

– Как тебя зовут? Ты наверно поросенок Борька?

– Мифаил Теплѐф. – Миша охнул, положив руку на грудь.– Кест потеял!

Агаша поняла, что поднял «кожаный» с палубы и заплакала.

– Не плавай, тетя, я тебя люблю! – сказал Миша и обнял спасительницу. – Я паясенок Бойка, хю-хю!

– Не буду, детка, – заулыбавшись, сквозь слезы, сказала она, – давай переоденемся.

– Мальченка-то Богом меченный, – сказал священник, показав Агафье родинки, – Божьего избранника спасла.

Они с батюшкой помолились, что нашелся выход сам собой и решили, что мальчик поживет с ней в станице, пока все уляжется, пока все забудется, а там, как Господь управит.

Самое лучшее дело предаваться воле Божией и нести скорби с упованием. Господь, видя наши скорби, лишнего никогда не даст.

Прп. Силуан Афонский

Прошел год. Все это время батюшка молился о спасенном мальчике, чтоб Господь открыл ему, как поступать дальше. В сентябре, на день Архистратига Михаила видит сон: "*К нему зашел во двор странник, попросил хлебушка «Христа ради»*

– Ты оставайся на ночлег, мил человек, потрапезуем, а завтра и пойдешь...

Утро. Прощаясь, странник сказал священнику:

– А мальчонку, раба божьего Михаила отправьте до ноября в Москву, там ему надо попасть в Сокольники. Ты, раб божий, Серафим, готовься, скоро за тобой придут «кожаные», но ничего не бойся, Отец Небесный тебя ждет – и ушел, не оборачиваясь.»

Где-то, через недельку и станичники прибыли. Мальчик подрос, волосенки выгорели, речь стала внятней.

– Агафья, здравствуй! О, а это что за кавалер с тобой? Ну-с, молодой человек, будем знакомы, отец Серафим.

– Борька Кукуш, – ответил мальчик, вытирая, от смущения, кулаком под носом.

– А почему Кукуш? – искренне удивился батюшка.

– Тетка говорит, что я во сне кукую, вот поэтому и Кукуш.

Время и Агафья постарались. В этом станичном мальчишке трудно было узнать Мишу Теплова. Правда, у него было две отметины, которые «говорили», что это он: одиннадцать родинок, в виде Распятъя, под левой лопаткой и шрам, в виде птицы, на правой икре, под коленом. Но такое могли знать только родные. Еще батюшка остался доволен Агашей, что мальчик называл ее теткой, а не мамой. Он рассказал гостье свой сон, и они стали думать, как выполнить наказ. Муж сестры был железнодорожником. Им осталось только придумать Борьке «легенду», по какой причине ему надо в Москву, в Сокольники. Агаша встала на молитву, на всю ночь. С появлением этого мальчика она поняла, что Господу нужны молитвы от сердца идущие, а не заученные, когда человек все внимание уделяет правильности слов, а сердце остается закрытым. Эту перемену заметил батюшка, он был рад, что Господь посетил эту добрую, но болтливую женщину, через спасение этого человечка. Утром «легенда» была готова. «В станице померла соседка, а племяннику её надо в Москву, в Сокольники». Муж сестры сказал, что в Сокольниках как раз есть приют, они там сами разберутся, куда вернуть мальчика. На том они и порешили. Когда Борьке сказали про Москву, он промолчал, но глаза его были на мокром месте. Вообще-то грех было на него жаловаться, этот мальчик от природы был вынослив, терпелив, послушен, добр, хотя и непоседлив. Он пошел молча собирать свой узелок. С отъездом тянуть не стали, осень на исходе, до холодов бы определиться.

Приближалась одиннадцатая Годовщина Ноября. Борис был определен в приют, в Сокольниках. Воспитанников этого дома называли «дети вождя», на каждую годовщину Ноября и Первомай их посещал Сталин, детям выдавали подарки, и он лично с ними общался. Подходил к каждому: девочек гладил по голове, мальчиков трепал «по-отечески» за щеку. Старожилы спрашивал о жизни и делах, новичков, кто они и откуда. Когда подошли к Борису, тот, на удивление, был каменным.

– Как тебя зовут, как фамилия?

– Борька Кукуш.

– Откуда ты?

– Станица, тетка, Агаша, Москва.

– Сколько тебе лет?

– Три года. – Боря постарался четко сказать «эр», а получился металлический голос.

Сталин дотронулся до его щеки, необъяснимый страх обуял вождя, похолодело все, волосы стали дыбом. Впоследствии несколько раз Борька Кукуш вставал перед глазами Сталина, что вызывало необъяснимую тревогу.

В этот день, когда Борька виделся с вождем, в Новороссийске происходило следующее. У отца Серафима была Агафья, когда пришли «кожаные». Они принесли постановление об аресте батюшки, были навеселе. Когда Агаша заголосила, потребовали еще самогонки. Получив трехлитровый бутыль, сказали, что по случаю праздника придут завтра, чтоб Серафим приготовился, пойдет по этапу. Бутыль был распит тут же, а «кожаные» свалились, не дойдя до калитки. Пол ночи работал топор, а утром была такая картина. Когда непрошеные гости утром протрезвели, то увидели во дворе на стульях гроб, в нем лежал празднично одетый Серафим со свечей в руке и пел:

– Христос, воскресый из мертвых...

Он испустил дух с улыбкой на лице, твердо зная, что Господь его ждет.

Два раза в год детей проверял личный врач Сталина. Когда он осмотрел Борьку, ему показалось, что он знал этого пациента. Эти особые отметины, родинки и шрам, он уже видел, это точно. Вот когда и у кого, было вопросом, он не мог вспомнить. Потом профессор заставил себя перестать думать об этом, поняв вдруг, что это может быть опасным для мальчика.

...разрушение является небывалым сумасшедшим преступлением перед прошлым, настоящим и будущим, перед всей культурой.

Мстислав Добужинский.

Шел 1931 год. Декабрь. Боря вдруг заболел. Он лежал три дня с высокой температурой и все время выкрикивал:

– Не делайте этого, прошу Вас! Господи, прости им, не ведают, что творят!

И он начинал метаться по кровати. Когда у него спрашивали, что не надо делать, он только отвечал, что это великий грех. Затихал на секунду, а потом все начиналось заново. Признаком заболевания пульс, язык и дыхание не показывали. Пригласили профессора, он ночь провел у постели страдающего, другого объяснения у него не было. Утром мальчик пришел в себя. В глазах его был ужас.

– Что случилось, Боренька?

– Они!.. Они!.. Они взорвали Храм Христа Спасителя! – сказал мальчик, рыдая, бросился в объятия. Такого ответа профессор не ожидал. Прижав детскую головку к своей груди, поцеловав ее в макушку, он сказал:

– Ты как себя чувствуешь? Давай, оденься, и мы сходим, полюбуемся этим золотоглавым великаном.

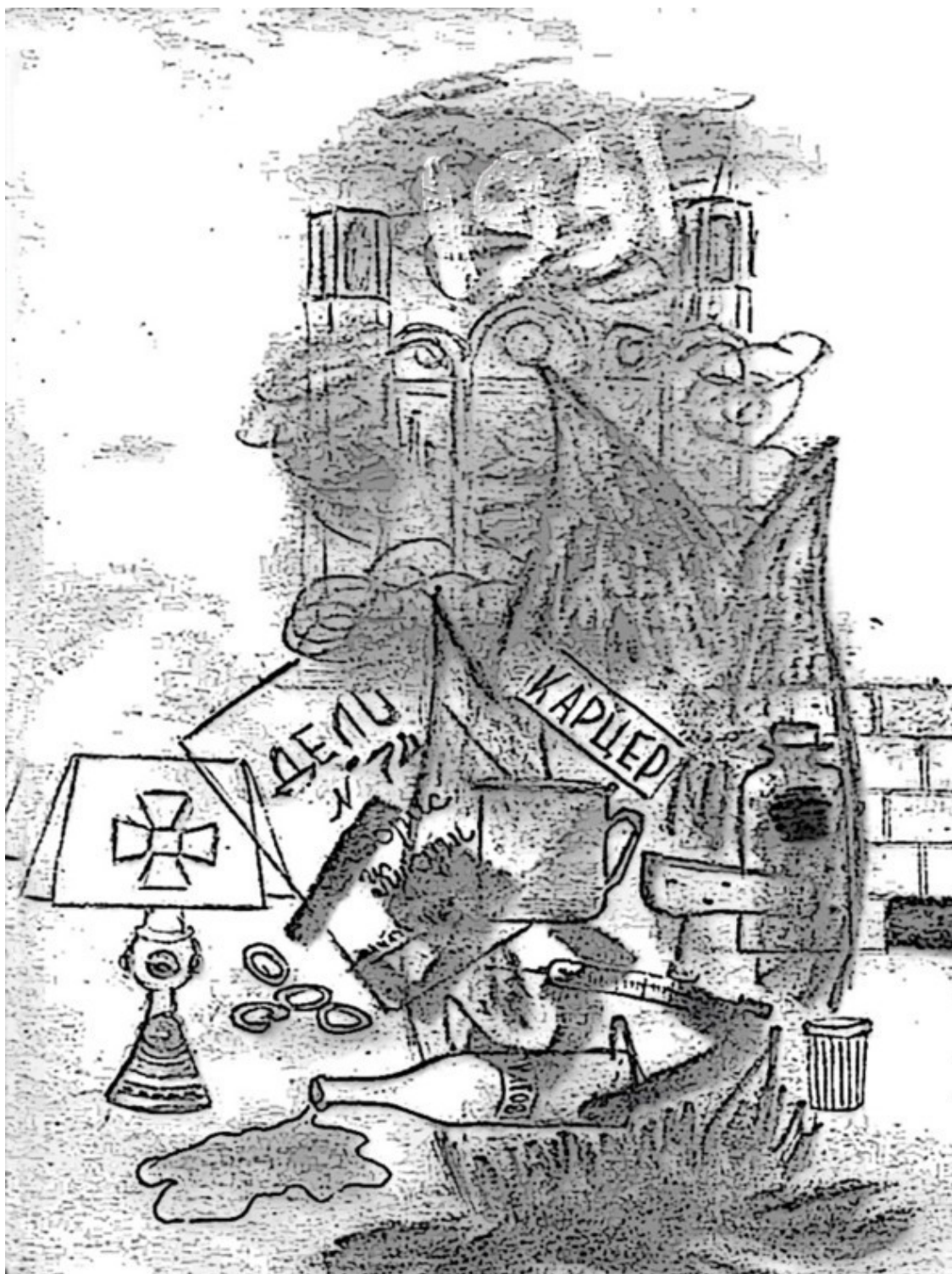
Вообще-то, приют был закрытое заведение, и если кто-то покидал территорию, то уже никогда сюда не возвращался. Доктор сделал звонок Сталину и попросил исключения для маленького пациента, сказав, что это важно. Получив «добро», они уехали гулять по Москве на час. Мальчик внимательно смотрел в окно машины. Все ему казалось знакомым с детства, все было родное до боли. Сердце сжималось от вида руин, хаоса в который превратили столицу. Они подъехали к храму, там стояло оцепление. Начальник подошел к ним, профессор отозвал его в сторону и минуты две о чем-то говорил, потом подошли к Борису.

– Даю вам пять минут, не больше, только не подведите, я не имею права никого пропускать.

Они вошли в храм, там было пусто и безлюдно, каждый их шаг отдавался эхом. Борис оставил доктора и стремительно пошел вперед, ближе к алтарю, там он резко завернул и исчез из поля зрения. Его движения были настолько точны, профессор понял, что мальчик часто это делал раньше. Он прошел туда же. Тот показал ему на стене царапину:

– Это моя работа, я точно знаю! Мне раньше стыдно за это было, а теперь я рад, что когда-то сделал это, теперь я знаю, что я москвич, и нашел подтверждение, что я православный.

Профессор крепко прижал его к себе, в глазах появились слезы.

– Они распяли Христа не потому, что он был хорош, они просто увидели, как они были плохи? Сейчас происходит то же самое? Я про Царя и его семью?... Ведь бояться только сильных!?

Эхо несколько раз повторило сказанное. Сердце профессора сжалось от боли, ведь это ему говорил шестилетний ребенок, но и радость была одновременно, Россия не погибнет, когда у нее есть такие дети. Боря с замиранием сердца смотрел из окна машины, как «гигантская корона горела солнцем над Москвой». Возвращая мальчика, профессор с ним договорился, что тот никому не будет говорить, что ему снилось, что он вспомнил в храме, что больше

никому не будет задавать таких вопросов. На другой день, 5 декабря 1931 года, Храм Христа Спасителя был взорван.

1935 год. В Москве открылся Метрополитен им Л.М.Кагановича. Политическая обстановка в стране «смягчилась», так казалось детям – их приют перестал быть режимным. Питомцы, пользуясь свободой, хотели охватить все: музеи, театры, выставки. Это непременно перемешивалось с походами в парки, выездами в лес, проживанием летом на приютской даче под Москвой. Там насадили сад, разбили огород, где воспитанники стали сами выращивать и заготавливать кое-какие продукты на зиму.

С обучением стало тоже полегче. Некоторых ребят, явно выделяющихся тягой к знаниям, определили в спецшколу №2. Борис был в их числе. Он умудрялся быть везде для себя, и незамеченным для других. В этой школе учились «кремлевские дети», этакие баловни судьбы, и никто из них не мог допустить первенства какого-то приютского заморыша. Но Борис был, настолько окутан и оберегаем Благодатью, и настолько впереди всех, что никто и не подозревал о его лидерстве. Преподаватели служили мальчику, как источники информации, как «дорожные знаки», как «знаки ограждения». Иногда, как корректоры, очень многое изучалось самостоятельно. У него появились знакомые в Центральной библиотеке, Геологическом музее, он был своим для многих в Горном институте.

**Молитвы во гневе Господь не принимает и предаёт
такого молящегося немилосердным служителям,
то есть демонам, которые от пира духовного, от
молитвы, изгоняют с брачного пира во тьму разных
пустых, иногда и скверных помыслов.**

Преподобноисповедник Никон (Воробьев)

1937 год. Волна новых политических репрессий захлестнула страну кровью. В приюте поменялся персонал на одну треть. Был введен контрольно-пропускной режим. Опоздание на десять минут грозило карцером. Однажды Сергей, сосед по комнате и парте, опоздал на пол часа, он получил карцера трое суток, такого беспредела еще никогда не было, ведь карцер-это без пищи и воды. Борис был частым посетителем этой комнаты. Нет, он был очень дисциплинирован и попадал туда только по доброте душевной, обычно сидел за слабых и малых. Он знал один кирпичик, который вытаскивался, туда можно было просунуть кусок хлеба и кружку воды – с заднего двора, он проверял. Это было его тайной. Детвора в приюте была вынослива, сутки без питья и воды выдерживали все сидевшие, поэтому тайна никому не разглашалась, и кирпич терпеливо ждал своего часа. Когда Сережу наказали так жестоко, Борис знал, что надо делать. Приют уже спал, он взял пайку хлеба, кружку воды и бесшумно отправился на задний двор. Покормив друга, мальчик тихо пробирался обратно. Его внимание привлек свет в комнате особиста, форточка была открыта. То, что увидел и услышал Борька, перевернуло его, и так не легкую, жизнь. В ту ночь кончилось его детство.

Особист и медсестра были новыми, поговаривали, что они из лагерей, в Москве на повышении «за заслуги». В кабинете было сильно накурено, пахло спиртным даже на улице. Женщина сидела за столом и пила чифир, смачно разгрызая сушки, рядом на столе лежал шприц и стоял пузырек с каким-то лекарством, на флаконе была черная отметина. Особист сидел на топчане накрытый простыней, а у стены лежала девочка, прикрытая одеялом. Боря ее не сразу узнал. Это была Анастасия, ей было десять лет. Она была без чувств, мужчина над ней надругался. Разговаривали, как ни в чем не бывало:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.